

Жизнь и развитие бл. Августина до его крещения.

(Окончание).

Ослабление старой воли. Подъ влияніемъ Гортензія, Августинь перешель отъ отроческой непосредственности къ сознательности юношескихъ стремлений. Ранѣе въ своемъ поведеніи онъ опредѣлялся исключительно инстинктивными побужденіями, теперь предъ его сознаниемъ стоялъ разумный идеаль мудреца, презирающаго вульгарныя удовольствія плоти и полагающаго цѣль жизни въ блаженствѣ исканія истины и обладанія ею. Подъ обаяніемъ этого идеала онъ предается поискамъ истинной религіи и пытается освободиться отъ своихъ плотскихъ пристрастій. Мы уже показали, подъ какими влияніями и въ какой послѣдовательности сложились и получили опредѣленную форму его религіозно-философскія убѣжденія. Теперь намъ остается выяснить исторію его постепеннаго освобожденія отъ подавляющей силы господствующихъ страстей.

Цицеронъ очень краснорѣчиво разсуждалъ о мимолетности всѣхъ земныхъ благъ, о низменности чувственныхъ удовольствій, непрочности богатства, суетности славы, и безъ труда убѣдилъ въ этомъ Августина. Впечатлительный юноша, мечтавшій о благѣ всеобъемлющемъ и несокрушимомъ, разъ навсегда осудилъ свою чувственность и тщеславіе, но это осужденіе оставалось въ области его мысли и лишь съ большимъ трудомъ завоевывало его волю. Поэтому еще очень долго практически, въ своей повседневной жизни, онъ руководился не идеаломъ мудреца, а преобладающими стремленіями своего „ветхаго чловѣка“. Они даютъ общее напра-

вление его жизни и являются главными движущими силами его поведения.

Это не трудно прослѣдить по его Исповѣди. Въ Кароагенѣ онъ предается неумѣренности похотей ¹⁾, но главнымъ образомъ его свѣдаетъ честолюбіе, желаніе извѣстности, страстное стремленіе обнаружить предъ всѣми свои таланты и добиться ихъ признанія. Онъ не останавливается предъ публичными выступленіями въ театрѣ на состязаніяхъ въ декламации и стихосложеніи ²⁾. Исходъ предпріятія настолько волнуетъ молодого человѣка, что одинъ изъ шарлатановъ, какихъ не мало было въ то время, находитъ очень удобнымъ предложить ему магическія средства для обезпеченія побѣды ³⁾. Августинъ съ негодованіемъ отклоняетъ это предложеніе, но все же получаетъ побѣдный вѣнокъ ⁴⁾. Чувствуя въ себѣ литературный талантъ, онъ составляетъ сочиненіе *De pulchro et apto* и посвящаетъ его римскому оратору Гіарію, извѣстному своимъ широкимъ образованіемъ и совершенствомъ, съ какимъ, будучи по происхожденію сирійцемъ, владѣлъ греческимъ и латинскимъ языкомъ. Онъ считаетъ свой трактатъ по эстетикѣ выдающимся явленіемъ въ литературѣ и съ нетерпѣніемъ, хотя и напрасно, ждетъ сочувственнаго отзыва о немъ отъ римской знаменитости ⁵⁾. Изъ Кароагена Августинъ переноситъ свою педагогическую дѣятельность въ Римъ главнымъ образомъ вслѣдствіе недоразумѣній съ учениками, но къ этому примѣшиваются и честолюбивыя поползновенія. Онъ не остается глухъ къ внушеніямъ друзей, сулившихъ ему въ столицѣ имперіи болѣе высокій гонораръ и болѣе завидную карьеру ⁶⁾. По пріѣздѣ въ Миланъ Августинъ проявляетъ тѣ же стремленія. Характеренъ въ этомъ отношеніи его взглядъ на св. Амвросія. Наболѣе завиднымъ въ это время ему казалось политическое вліяніе епископа и его вѣсь при дворѣ. Онъ готовъ былъ бы признать св. Амвросія счастливымъ, если бы только безбрачіе послѣдняго не казалось ему тягостнымъ. О духов-

¹⁾ *Intemperantiam libidinum. Confes. IV, 1. Рус. п. I, 68.*

²⁾ *Ibid. IV, 1. Рус. п. I, 68.*

³⁾ *Ibid. IV, 3. Рус. п. I, 69.*

⁴⁾ *Ibid. IV, 5. Рус. п. I, 71.*

⁵⁾ *Ibid. IV, 23. Рус. п. I, 88.*

⁶⁾ *Ibid. V, 14. Рус. п. I, 109—110.*

ныхъ же радостяхъ, посѣщающихъ душу христіанина, онъ тогда даже и не догадывался, потому что ихъ не испыталъ ¹⁾. Стремясь къ извѣстности, Августинъ до сихъ поръ былъ довольно равнодушенъ къ богатству и внѣшнему успѣху въ жизни. Дѣятельность въ провинціальномъ Карфагенѣ не открывала для этого многообѣщающихъ перспективъ. Но обстоятельства измѣнились, когда, получивъ должность ритора въ Миланѣ, резиденціи императора, Августинъ оказался у самаго источника мірскихъ благъ. У него были вліятельные друзья, имѣвшіе доступъ ко двору, на поддержку которыхъ онъ всегда могъ рассчитывать. Къ ихъ числу принадлежалъ его давнишній покровитель, Романіанъ ²⁾, и его землякъ, африканецъ по происхожденію, Понтиціанъ ³⁾. Самъ Августинъ по своей должности былъ принятъ при дворѣ ⁴⁾ и въ торжественныхъ случаяхъ выступалъ предъ блестящимъ собраніемъ съ оффиціальными рѣчами. Такъ онъ произнесъ панегирикъ въ честь консула Баутона ⁵⁾ и рѣчь по случаю дня рожденія императора ⁶⁾. Такимъ образомъ, у талантливаго ритора были всѣ данныя для успѣха въ свѣтѣ, и онъ ими не пренебрегалъ. Имъ овладѣваютъ мечты о хорошемъ служебномъ положеніи, добиться котораго уже не такъ трудно при помощи вліятельныхъ друзей, и о выгодной женитьбѣ. Теперь ему кажется, что все это далеко не такъ несомнѣнливо съ достоинствомъ философа, какъ объ этомъ говорятъ. Развѣ мало было великихъ и достойныхъ подражанія мужей, которые были женаты, владѣли большимъ состояніемъ, и тѣмъ не менѣе были преданы мудрости ⁷⁾? Не ограничиваясь мечтами, Августинъ удѣляетъ много времени визитамъ къ своимъ покровителямъ, чтобы поддерживать и освѣжать связи ⁸⁾.

На ряду съ этими честолюбивыми стремленіями наибольшую власть надъ волей Августина проявляла чувственность.

1) Ibid. VI, 3. Рус. п. I, 128—129.

2) Ibid. VI, 24. Рус. п. I, 154—155.

3) Ibid. VIII, 14. Рус. п. I, 213.

4) *Possidius, Vita Augustini c. I. Migne, ser. lat. T. XXXII. p. 35.*

5) *August. Contra litt. Petiliani III, 25.*

6) *Confes. VI, 9. Рус. п. I, 135.*

7) Ibid. VI, 19. Рус. п. I, 150. VI, 9. Рус. п. I, 134. VI, 10. Рус. п. I, 136.

8) Ibid. VI, 18. Рус. п. I, 149.

удовлетвореніе которой вошло въ привычку. Жизнь безъ женскихъ ласкъ и объятій представлялась ему однимъ сплошнымъ несчастіемъ ¹⁾. Это были оковы, съ которыми онъ настолько сроднился, что уже боялся освобожденія отъ нихъ ²⁾. На это время падаетъ намѣреніе Августина вступить въ бракъ. Онъ всегда считалъ бракъ поводомъ къ тысячѣ золъ и боялся тѣхъ мелочныхъ заботъ и огорченій, которыя иногда приносятъ съ собою женитьба ³⁾. Поэтому онъ рѣшился на заключеніе брака, скорѣе уступая настояніямъ матери, чѣмъ по собственной инициативѣ ⁴⁾. Но осуществленіе этого намѣренія само собою отлагалось на значительное время, такъ какъ невѣстѣ не доставало около двухъ лѣтъ до узаконеннаго для брака возраста ⁵⁾. Тѣмъ не менѣе предложеніе, сдѣланное дѣвушкѣ, обязывало Августина отпустить конкубину, отъ которой онъ имѣлъ сына и къ которой онъ былъ очень привязанъ. Бѣдной женщинѣ не легко было перенести эту разлуку, однако она безъ ропота освободила отъ себя своего возлюбленнаго и дала обѣтъ предъ Богомъ не знать другого мужа. Но Августинъ стоялъ въ это время не на высотѣ такого героизма любви и совершилъ, быть можетъ, самый дурной поступокъ въ своей жизни. Разлука съ наложницей дала ему почувствовать, насколько сильна была надъ нимъ власть привычки. Его сердцу была нанесена глубокая рана, и казалось, что онъ истекаетъ кровью. Онъ убѣдился, что не можетъ обойтись безъ женскихъ ласкъ и немедленно по отъѣздѣ конкубины на родину взялъ себѣ другую. Послѣ только что проявленнаго въ такихъ трогательныхъ чертахъ великодушія со стороны бывшей подруги, Августинъ не могъ, конечно, съ легкимъ сердцемъ отдаться новому увлеченію. Онъ былъ пристыженъ примѣромъ женщины, и болѣзнь, причиненная разлукой съ прежней конкубиной, не прошла вслѣдствіе новой связи, а только изъ острой превратилась въ хроническую ⁶⁾.

Августинъ любилъ поговорить о томъ, что его занимало.

¹⁾ Ibid. VI, 20. Рус. п. 150.

²⁾ Ibid. VI, 21. Рус. п. I, 151.

³⁾ Ibid. VIII, 2. Рус. п. I, 159.

⁴⁾ Ibid. VI, 23. Рус. п. I, 153.

⁵⁾ Ibid. VI, 23. Рус. п. I, 154.

⁶⁾ Ibid. VI, 25. Рус. п. I, 156.

Онъ не считалъ себя счастливымъ, если не раздѣлялъ своихъ наслажденій съ друзьями. Поэтому ему доставляло большое удовольствіе распространяться въ ихъ обществѣ на эротическія темы ¹⁾. Въ особенности ему хотѣлось одержать побѣду надъ цѣломудреннымъ Алипіемъ. Послѣдній въ юности не чуждъ былъ плотскихъ увлеченій, но скоро почувствовалъ къ нимъ отвращеніе, и, еще не будучи христіаниномъ, удивлялъ всѣхъ своимъ воздержаніемъ. Проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ Августину, онъ не могъ понять его порабощенія чувственности. Когда Августинъ рѣшился вступить въ бракъ, Алипій, видѣвшій въ семейной жизни препятствіе къ осуществленію идеала мудреца, всѣми силами удерживалъ своего друга отъ этого шага. Но Августинъ такими яркими красками изобразилъ предъ нимъ удовольствія брачной жизни и прелести женской любви, что возбудилъ въ немъ, если не желаніе, то любопытство. Стремясь испытать то, безъ чего жизнь казалась Августину сплошной мукой, Алипій едва не послѣдовалъ его примѣру ²⁾.

Однако къ тридцатилѣтнему возрасту господствующія страсти Августина, выступающія въ приведенныхъ фактахъ съ такой видимой свѣжестью и непосредственностью, были въ значительной степени надломлены его жизненнымъ опытомъ. Всѣ краски, когда то столь яркія, для него уже сильно поблекли, и въ глубинѣ его существа появилось мучительное раздвоеніе. Этотъ процессъ постепеннаго ослабленія его преобладающихъ страстей подъ вліяніемъ потерь, разочарованія и усталости, очень ясно отразился въ его Исповѣди.

Однимъ изъ главныхъ основаній, посредствомъ которыхъ Цицеронъ старался убѣдить своихъ читателей въ суетности внѣшнихъ благъ, служила ихъ ненадежность предъ лицомъ смерти. Уже это должно было до нѣкоторой степени охладить эпикурейскіе вкусы юноши Августина. Но теоретическія разсужденія о смерти обыкновенно оказываютъ мало вліянія на нашу волю. Всѣ мы хорошо знаемъ, что умремъ, но или постоянно забываемъ объ этомъ или вспоминаемъ, но безъ большого волненія, однако для cadaго наступаетъ моментъ,

¹⁾ Ibid. VI, 26. Рус. п. I, 157.

²⁾ Ibid. VI, 21—22. Рус. п. I, 151—153.

когда на него падаетъ черная тѣнь смерти и все окрашивается въ пепельный цвѣтъ. Тогда то неизбѣжность потери всего, что намъ дорого на землѣ, и сознаніе тщетности всѣхъ усилій удержать летящее леденящимъ дыханіемъ охватываетъ все наше существо. Для Августина такой моментъ наступилъ очень рано, вскорѣ по окончаніи образованія въ Каррагенѣ, во время его непродолжительной преподавательской дѣятельности въ Тагастѣ. У него былъ другъ, товарищъ по школѣ, участникъ его дѣтскихъ игръ, и дружба эта была для Августина слаще всѣхъ прелестей жизни. Но налетѣла внезапная болѣзнь, и юноши не стало. Горю и печали Августина не было предѣловъ. Онъ ни въ чемъ не находилъ для себя успокоенія: „ни въ пріятныхъ рощахъ, ни въ играхъ и пѣніи, ни въ благоухающихъ лугахъ, ни въ изысканныхъ пиршествахъ, ни въ удовольствіяхъ опочивальни и ложа, ни, наконецъ, въ книгахъ и стихотвореніяхъ. Все внушало ужасъ, даже самый свѣтъ. Все, что было не онъ, стало ничтожнымъ и ненавистнымъ“ ¹⁾. Впослѣдствіи Августинъ находилъ въ такихъ случаяхъ утѣшеніе въ Богѣ. Но теперь это было для него еще недоступно, потому что за Бога онъ принималъ фантазму, призракъ, нѣчто менѣе реальное, чѣмъ оплакиваемый другъ. „Я зналъ, Господи, говорить онъ, что къ Тебѣ нужно было вознести душу, чтобы она получила исцѣленіе, но я этого не хотѣлъ и не могъ, тѣмъ болѣе, что Ты не представлялъ для меня чего-либо плотнаго и твердаго, когда я размышлялъ о Тебѣ. Ибо это былъ не Ты, а пустая фантазма; мое заблужденіе было Богомъ моимъ. Если бы я попытался возложить сюда душу мою для ея успокоенія, она провалилась бы сквозь пустоту и снова низверглась бы на меня; и я опять остался бы для себя мѣстомъ бѣдствія, гдѣ я не могъ оставаться и откуда не могъ убѣжать“ ²⁾. Августинъ не зналъ, что въ Богѣ стоитъ неподвижно уходящее отъ насъ въ этомъ мірѣ, и тѣмъ острѣе почувствовалъ онъ тлѣнность и неустойчивую мгновенность земныхъ благъ. Со всей своей неотвратимостью и неизбѣжностью встала предъ нимъ неумолимая смерть. „На что ни бросалъ я свой взглядъ, все было смертью“ ³⁾, гово-

¹⁾ Ibid. IV, 12. Рус. п. I, 78—79.

²⁾ Ibid. IV, 12. Рус. п. I, 79.

³⁾ Ibid. IV, 9. Рус. п. I, 75.

рять онъ. „Во мнѣ было, продолжаетъ онъ, и величайшее отвращеніе къ жизни и страхъ смерти. Думаю, что чѣмъ больше любилъ я друга, тѣмъ болѣе ненавидѣлъ и боялся смерти, какъ жесточайшаго врага, отнявшаго его у меня, и мнѣ казалось, что она готова неожиданно истребить всѣхъ людей, если не пощадитъ его“¹⁾... Кто хоть однажды стоялъ такъ предъ лицомъ смерти и такъ интимно переживалъ ее мрачную силу, для того навсегда закрыто беззаботное наслажденіе убѣгающими мгновеніями земной радости. Подъ влияніемъ этого событія въ Августинѣ зародилось чувство, которому онъ далъ точное выраженіе: „я былъ несчастенъ, и несчастна всякая душа, связанная любовью къ вещамъ смертнымъ; теряя ихъ, она терзается и чувствуетъ нищету, въ которой находилась и ранѣе ихъ утраты“²⁾. Теперь то, что проповѣдывалъ Цицеронъ, изъ области мысли проникло въ сферу чувства. Пережитой опытъ притупилъ для Августина остроту земныхъ радостей. Вкусъ къ нимъ онъ не потерялъ, но страхъ смерти и неизвѣстность посмертной судьбы совершенно ихъ обезцѣнили. Поэтому много времени спустя Августинъ увѣрялъ друзей, что Эпикуръ былъ бы вполнѣ правъ, если бы не существовало смерти и загробнаго воздаянія. Ему казалось, что можно было бы удовлетвориться благами этого міра, если бы можно было не бояться ихъ утраты вмѣстѣ съ неизбежной потерей самой жизни³⁾. Однако и помимо мысли о смерти служеніе господствующимъ страстямъ оставляло въ душѣ Августина много горечи.

Удовольствія плоти вообще не могутъ насытить души человѣка, потому что они слишкомъ мимолетны. Когда страсть опьяняетъ умъ, воображеніе рисуетъ соблазнительныя картины, но когда она утолена, воображеніе остается холоднымъ, а изъ нѣдръ духовнаго существа возникаетъ реакція высшихъ потребностей, забытыхъ и неудовлетворенныхъ. Мгновенность чувственныхъ наслажденій оставляетъ неиспользованнымъ огромный запасъ чисто духовныхъ силъ, ищущихъ для себя исхода въ соответствующей имъ дѣятельности. Отсюда получается ощущеніе духовной пустоты

1) Ibid. IV, 11. Рус. п. I, 77.

2) Ibid.

3) Ibid. VI, 26. 19. Рус. п. I, 157. 149—150.

тѣмъ болѣе острое, чѣмъ полнѣе природа одарила данную личность въ духовномъ отношеніи. Могли ли при такихъ условіяхъ чувственныя наслажденія наполнить жизнь Августина съ его пытливымъ, находившимся въ постоянномъ движеніи, умомъ, съ его глубокимъ чувствомъ, съ его огромными духовными запросами и совершенно исключительной интенсивностью внутренней жизни? И дѣйствительно, еще въ ранней молодости онъ чувствовалъ, что находится на ложной дорогѣ. Онъ жаждалъ какого-то великаго блага, которое могло бы вполне насытить его сердце, но не зная, въ чемъ состоитъ оно, ошибочно принималъ за него плотскую любовь, а послѣдняя, охладивъ его порывы, оставляла въ душѣ лишь пустоту и горечь. „Ты всегда находился при мнѣ, милосердно-строгий, обращается Августинъ къ Богу, и примѣшивалъ къ моимъ недозволеннымъ удовольствіямъ горчайшія разочарованія, побуждая этимъ меня искать наслажденій безупречныхъ“ ¹⁾. „Боже мой, мой милосердный, съ какою горечью смѣшивалъ Ты мои наслажденія и какъ благъ былъ Ты ко мнѣ“ ²⁾. „У меня былъ внутренній голодъ, желаніе внутренней пищи, Тебя Самого, Боже мой, и этого голода я не замѣчалъ; но я не желалъ пищи нетлѣнной не потому, что былъ ею пресыщенъ, а наоборотъ, тѣмъ непріятнѣе она мнѣ казалась, чѣмъ болѣе ея мнѣ не доставало. И потому больна была душа моя; покрытая чесоткой, она жалкимъ образомъ устремлялась къ внѣшнему міру, страстно желая утолить зудъ прикосновеніемъ къ чувственному“ ³⁾.

Еще больше испытаній встрѣтилъ Августинъ на пути своихъ честолюбивыхъ домогательствъ. Тщеславіе вообще обходится человѣку не дешево. Оно требуетъ все новыхъ и новыхъ усилій, чтобы не только сохранять за собою занятія позиціи, но и подвигаться впередъ. Заботы о внѣшнемъ положеніи и погоня за успѣхомъ въ жизни сопряжены съ борьбой, опасеніями, напрасными усиліями, обманутыми расчётами, неоправдавшимися надеждами. Душа размѣнивается на мелочь, и человѣкъ чувствуетъ, что онъ не жи-

¹⁾ Ibid. II, 4. Рус. п. I, 31.

²⁾ Ibid. III, 1. Рус. п. 44-45.

³⁾ Ibid.

веть, а расходуетъ жизнь малыми долями для достиженія какихъ-то призрачныхъ цѣлей. Тяжесть общественной дѣятельности, руководимой честолюбіемъ, особенно остро чувствовалась въ эпоху Августина, можетъ быть, вслѣдствіе ничѣмъ не сдержаннаго деспотизма власти и безправія личности, которая находилась въ полной зависимости отъ каприза сильнаго и никакой бдительностью не могла предупредить катастрофы, подкарауливающей на каждомъ шагу. Характеренъ для того времени слѣдующій случай. Два молодыхъ придворныхъ чиновника съ прекрасными видами на будущее, выйдя на прогулку и случайно натолкнувшись на монашескую хижину, до такой степени увлекаются свободой и независимостью бѣдности, что тотчасъ же рѣшаются не возвращаться больше на службу, и вотъ какими словами рисуется Августинъ ихъ побужденія. „Скажи, прошу тебя, обращается одинъ изъ нихъ къ другому, чего мы стараемся достигнуть всѣми нашими трудами? Чего мы ищемъ? Ради чего боремся? Можемъ ли мы надѣяться достигнуть при дворѣ большаго, чѣмъ стать друзьями императора? А въ этомъ положеніи что прочно, что не полно опасностей? И чрезъ сколько опасностей нужно пройти, чтобы добиться этой, еще большей опасности! Да и когда то это еще будетъ“ 1)? Глубокая усталость и тревога за свою судьбу чувствуется въ этихъ словахъ. Таково же было настроеніе Августина въ Миланѣ послѣ того, какъ, достигнувъ обезпеченнаго положенія, онъ сталъ увлекаться перспективами дальнѣйшаго движенія. Заботы, тревоги и опасенія, которыя доставляла ему общественная дѣятельность, служили постоянной темой для разговоровъ его съ друзьями. Въ его кружкѣ все время жаловались на невыносимость создававшегося положенія, мечтали о томъ, чтобы, отказавшись отъ всѣхъ общественныхъ обязанностей, на свободѣ предаться философіи и мудрости, но не имѣли силъ разрубить узелъ и проклинали свою нерѣшительность 2). Хорошимъ показателемъ душевной усталости Августина служить одно обстоятельство. Онъ готовилъ похвальную рѣчь, которую долженъ былъ произнести предъ императоромъ. Необходимо было

1) Ibid. VIII, 15. Рус. п. I, 215.

2) Ibid. VI, 17. Рус. п. I, 147—148. VI, 9. Рус. п. I, 134.

приложить особенное стараніе, чтобы не повредить своей репутации, какъ оратора, и удовлетворить вкусамъ общества, предъ которымъ приходилось выступать. При такихъ условіяхъ нельзя было останавливаться предъ лестью, и хорошо освѣдомленные въ придворныхъ нравахъ друзья Августина давали ему самыя настойчивыя указанія въ этомъ смыслѣ. Для правдивой природы Августина эта сдѣлка съ совѣстью была не легка. Предстоящее выступленіе повергало его въ состояніе крайней озабоченности. Душа его горѣла какъ въ лихорадкѣ. Проходя въ этомъ настроеніи съ друзьями по какому-то переулку, онъ встрѣтилъ здѣсь пьянаго нищаго, который балагурилъ съ самой беззаботной веселостью, и отъ души позавидовалъ ему. Всѣми своими трудами и заботами, говоритъ Августинъ по этому поводу, „мы хотѣли добиться только прочной радости, а этотъ нищій уже предупредилъ насъ въ томъ, чего мы можемъ быть никогда не получимъ. Чего достигъ онъ при помощи нѣсколькихъ выпрошенныхъ грошей, т.-е. радости временнаго счастья, къ тому я только шелъ утомительными обходами и извилинами. Правда, онъ располагалъ не истинной радостью, но я своими честолюбивыми стремленіями искалъ своей радости на гораздо болѣе ложномъ пути. И во всякомъ случаѣ онъ радовался, а я былъ озабоченъ; онъ чувствовалъ себя въ безопасности, а я трепеталъ“¹⁾. Такимъ образомъ, честолюбивыя замыслы Августина въ Миланѣ не отличались уже тѣмъ молодымъ задоромъ, съ какимъ когда-то онъ искалъ для себя побѣдныхъ вѣнковъ на подмосткахъ кареагенскаго театра.

Тревогамъ и непріятностямъ общественной дѣятельности Августинъ и его друзья противопоставляли идеаль мудреца, свободнаго отъ всѣхъ обязательствъ и живущаго исключительно въ сферѣ умственныхъ интересовъ. По мѣрѣ возможности, каждый изъ друзей стремился приблизиться къ нему и обезпечить себѣ философскую свободу и независимость. Послѣдовательнѣе всѣхъ былъ въ этомъ отношеніи Небридій. Африканецъ по происхожденію, онъ переселился въ Миланъ вслѣдъ за Августиномъ, чтобы жить вмѣстѣ съ нимъ „въ самомъ страстномъ изученіи истины и мудрости“²⁾. Желая

1) Ibid. VI, 9—10. Рус. п. I, 134—137.

2) Ibid. VI, 17. Рус. п. I, 147.

имѣть какъ можно больше досуга для своихъ философскихъ занятій, чтенія и бесѣдъ о мудрости, онъ не только уклонялся отъ общественной дѣятельности, но тщательно избѣгалъ встрѣчи и знакомства съ людьми вліятельными ¹⁾. По-видимому, это уклоненіе отъ службы объясняется тѣмъ, что онъ былъ человѣкъ состоятельный и не нуждался въ средствахъ къ жизни ²⁾. Алипій, получившій право заниматься адвокатурой, въ это время былъ свободенъ въ ожиданіи тѣхъ, „кому онъ могъ бы продавать свои совѣты“ ³⁾. Онъ горячо убѣждалъ Августина отказаться отъ брака, какъ препятствія къ осуществленію ихъ общей мечты „жить въ безопасномъ досугѣ и любви къ истинѣ“ ⁴⁾. Съ девятнадцатаго года стремился къ этому и Августинъ ⁵⁾, а безпокойства борьбы и тревогъ только усиливали въ немъ желаніе оставить все и посвятить себя всецѣло жизни философа и мыслителя ⁶⁾. Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этихъ стремленій, кромѣ честолюбивыхъ замысловъ, служилъ однако вопросъ о средствахъ къ жизни. Чтобы устроить его, въ кружкѣ Августина мало-по-малу составилъ планъ философской коммуны ⁷⁾. До десяти человѣкъ изъявили желаніе принять въ ней участіе и предоставить свои личныя средства въ общее пользованіе. Болѣе всѣхъ другихъ былъ увлеченъ идеей старшій членъ кружка, Романіанъ, голосъ котораго въ этомъ дѣлѣ имѣлъ особенный вѣсъ, такъ какъ онъ былъ очень богатъ ⁸⁾. Предполагалось ежегодно избирать изъ числа членовъ общины по два лица для завѣдыванія хозяйствомъ, чтобы прочіе могли быть свободны отъ всякихъ заботъ ⁹⁾. Но при составленіи этого прекраснаго плана друзья не подумали о томъ, что скажутъ о немъ ихъ жены, которыхъ нѣкоторыя уже имѣли, а другіе, какъ Августинъ, предполагали имѣть. Достаточно было поставить этотъ вопросъ

¹⁾ Ibid. VII, 13. Рус. п. I, 213.

²⁾ Relicto rure paterno optimo. Ibid. VI, 17. Рус. п. I, 147.

³⁾ Ibid. VIII, 13. Рус. п. I, 212.

⁴⁾ Ibid. VI, 21. Рус. п. I, 151.

⁵⁾ Ibid. VI, 18. Рус. п. I, 148.

⁶⁾ Ibid. VI, 19. Рус. п. I, 149.

⁷⁾ Ibid. VI, 24. Рус. п. I, 154.

⁸⁾ Ibid. VI, 24. Рус. п. I, 154—155.

⁹⁾ Ibid. VI, 24. Рус. п. I, 155.

на обсужденіе, чтобы мечта разсѣялась какъ дымъ. Планъ рухнулъ, и друзьямъ ничего не оставалось, какъ только снова обратиться къ обычнымъ жалобамъ и вздохамъ ¹⁾.

Но хотя честолюбіе, причинявшее столько разочарованій, постепенно ослабѣвало въ Августинѣ, однако, несмотря на всѣ свои порывы къ независимости и свободѣ, онъ не находилъ въ себѣ силы удалиться отъ общественной жизни. Еще изъ чтенія Гортензія онъ вынесъ убѣжденіе, что не только обладаніе истиной, но и самое исканіе ея нужно предпочитать всѣмъ сокровищамъ и царствамъ земнымъ ²⁾. Но въ дѣйствительности это убѣжденіе не было еще реальной силой въ его душѣ, способной опредѣлять его къ дѣятельности. Оно не перешло еще въ область его воли. Это объясняется тѣмъ, что у него не было еще твердыхъ и неизблемыхъ принциповъ, углубленіе которыхъ могло бы дать ему внутреннее удовлетвореніе и наполнить его жизнь. Не вужно забывать, что описываемое состояніе нерѣшительности относится къ эпохѣ его скептицизма. Какъ бы ни была для него тяжела общественная дѣятельность, но ей нечего было противопоставить. Съ обычной жизнью міра его связывала честолюбивая воля, хотя и надломленная, но не было воли оторваться отъ осуждаемаго, чтобы посвятить себя жизни философа. Самымъ опредѣленнымъ образомъ Августинъ говоритъ, что не имѣлъ силъ сдѣлать рѣшительный шагъ потому, что у него не было ничего прочнаго и достовѣрнаго, не было истины, ради которой онъ могъ бы отвергнуть все ³⁾. Изъ этой нерѣшительности его вывело знакомство съ неоплатонической философіей и послѣдовавшее за нимъ чтеніе посланій ап. Павла. Подъ руководствомъ неоплатониковъ онъ позналъ вѣчную и неизмѣняемую истину, господствующую надъ умомъ челоуѣка. Сразу предъ нимъ открылись необозримыя перспективы. Принципы были даны и можно было отдать жизнь ихъ углубленію. А одушевленіе ап. Павла зажгло въ немъ любовь ко Христу. Такъ родилась въ немъ новая, сначала еще слабая воля, которой предстояло развиваться на счетъ старой и, наконецъ, разрушить ее окончательно.

¹⁾ Ibid. VI, 24. Рус. п. I, 155.

²⁾ Ibid. VII, 17. Рус. п. I, 218.

³⁾ Ibid. VI, 17. Рус. п. I, 147—148. VI, 18. Рус. п. I, 148.

Возникновеіе новой воли. Св. Писаніе, къ чтенію котораго бл. Августинъ приступилъ, познакомившись съ неоплатонической философіей, произвело на него большое впечатлѣніе. Руководясь принципами аллегорическаго толкованія, которое стало ему извѣстно изъ проповѣдей св. Амвросія, онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ согласіи Вѣтхаго и Новаго За-вѣтовъ. Въ этомъ случаѣ его личное впечатлѣніе лишь подтверждало то, о чемъ съ такой настойчивостью проповѣдывалъ св. Амвросій ¹⁾.

Гораздо больше вліянія на его слагающіяся религіозныя убѣжденія и настроеніе оказало замѣченное имъ сходство и различіе между неоплатонизмомъ и Библіей. При переходѣ отъ Плотина къ Новому Завѣту, полный новыхъ для него платоническихъ идей, Августинъ естественно проводилъ параллель между произведеніями философа и Св. Писаніемъ. При этомъ его поразило какъ сходство, такъ и глубокое расхожденіе между ними. Сходство касалось главнымъ образомъ ученія о Богѣ и Его нематеріальности, о Божественномъ Словѣ и Его вѣчномъ рожденіи отъ Отца ²⁾. Различіе же сводилось къ отсутствію въ философіи Плотина идеи воплощенія ³⁾ и къ совершенно иному духу и религіозному настроенію, проникающему Писаніе ⁴⁾.

Когда Августинъ убѣдился, что Писаніе содержитъ въ себѣ идеи, которыя проповѣдывала въ то время самая знаменитая и уважаемая школа, и которыми самъ онъ овладѣлъ съ такимъ трудомъ, его взглядъ на отношеніе разума къ авторитету окончательно сложился и выяснился. Еще ранѣе Августинъ призналъ необходимымъ руководствоваться въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ авторитетомъ церкви. Но онъ далекъ былъ отъ мысли принять ученіе церкви безъ изслѣдованія, на вѣру. Авторитетъ церкви служилъ для него указаніемъ, на что въ первую очередь онъ долженъ направить свою критическую, вопрошающую и изслѣдующую мысль. Основаніе для этого было чисто внѣшнее—быстрый ростъ и повсюдное распространеніе церкви, рекомендующей Писаніе въ качествѣ

¹⁾ Ibid. VII, 27. Рус. п. I, 194.

²⁾ Ibid. VII, 13—14. Рус. п. I, 176—178.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid. VII, 27. Рус. п. I, 194—196.

источника познания истины. Онъ шелъ въ школу вселенской церкви, какъ неопытный юноша, желающій изучить медицину или краснорѣчiе, обращается къ учителю, имя котораго пользуется наибольшею извѣстностью. Незнакомый съ этими науками, онъ лишень еще возможности судить лично, насколько освѣдомленъ въ нихъ избранный учитель. Но наступить время, когда, обогатившись позванiями, онъ удостоиврится, что учитель вполнѣ заслуживаетъ своей популярности. Познакомившись съ неоплатониками и видя, что всѣ лучшiе выводы ихъ научныхъ изслѣдованiй, содержатся въ Св. Писанiи, Августинъ оправдалъ для себя авторитетъ церкви внутренне и очень пожалѣлъ, что не принялъ на вѣру ея ученiя о духовности Бога въ то время, когда еще на могъ понять его. Среди членовъ церкви есть много людей простыхъ, которые не въ состоянiи видѣть въ себѣ самихъ неизмѣняемую истину и такимъ образомъ убѣдиться въ бытiи Бога и Его нематериальности. Но церковь требуетъ отъ нихъ вѣры въ то, что у Бога нѣтъ рукъ, ногъ, человѣческаго лица. И повинуваясь авторитету, они принимаютъ на вѣру эту истину, еще для нихъ непонятную¹⁾. Какъ бы удивился Платонъ, если бы могъ видѣть, что такое огромное количество необразованныхъ мужчинъ и женщинъ среди самыхъ различныхъ народовъ признаютъ и проповѣдуютъ истину духовности Бога. Вѣдь самъ возвысившись до понятiя Бога какъ Существа, доступнаго лишь интеллектуальному познанию, философъ этотъ не допускалъ, чтобы толпа могла когда-либо отрѣшиться отъ грубо чувственныхъ представлений²⁾. Но церковь на этомъ не останавливается. Она ведетъ своихъ плотскихъ чадъ, этихъ младенцевъ въ познании истины, отъ вѣры въ духовность Бога къ познанию ея. Съ этою цѣлью она борется съ пристрастiемъ человѣка къ чувственному и внушаетъ вѣрующимъ, что очи, руки, ноги, крылья, когда Библия приписываетъ ихъ Богу, обозначаютъ божественныя потенцiи, соответствующiя дѣятельности этихъ членовъ въ человѣческомъ тѣлѣ³⁾. Чувствуя, что при всемъ своемъ образованiи, онъ стоялъ нѣкоторое время въ своемъ представле-

1) De utilit. cred. 35.

2) De vera relig. 2—5. Рус. и. VII, 2—7.

Contr. epist. Fund. 25.

ніи о Богѣ гораздо ниже этихъ младенцевъ въ познаніи ¹⁾, Августинъ съ раскаяніемъ сталъ помышлять о томъ, что съ самаго начала оказалъ слишкомъ мало довѣрія церкви. Правда, онъ пришелъ теперь къ тому же, чему учить и она, но послѣ какихъ заблужденій и страданій, какимъ окольнымъ и извилистымъ путемъ. Желая избѣжать антропоморфизма въ представленіи о Богѣ и удаляясь поэтому отъ церкви, онъ все же не могъ мыслить о Богѣ иначе, какъ надъ формою тѣла ²⁾. Въ концѣ концовъ всѣ эти наблюденія, сопоставленія, воспоминанія и чувства формулировались въ сознаніи Августина въ одинъ рѣшительный выводъ: „отчаивающіеся въ возможности найти въ католическомъ ученіи то, чего они ищутъ, становятся игрушкой заблужденій, но если настойчиво предаются изслѣдованіямъ, то послѣ великихъ усилій, измученные, жаждущіе и почти мертвые возвращаются къ тѣмъ самымъ источникамъ, которые такъ неосмотрительно покинули“ ³⁾.

При изученіи Св. Писанія Августинъ нашелъ въ немъ много новаго по сравненію съ сочиненіями Плотина, и этотъ элементъ повліялъ не столько на его убѣжденія, сколько на его религиозное чувство. Съ этого момента начинается опредѣляться характеръ его внутренняго отношенія къ Богу. Новымъ духомъ повѣяло на него изъ посланій апостола язычниковъ. Это прежде всего тотъ паеосъ, съ которымъ ап. Павелъ призывалъ всѣхъ покинуть гибельныя надежды на собственныя силы и всецѣло предать себя благодати Божіей. Августинъ не зналъ его ранѣе. До сихъ поръ онъ предавался исканіямъ, полагаясь исключительно на силу своего ума и таланта. Онъ хотѣлъ овладѣть истиной и блаженною жизнію, не прибѣгая къ Божьей помощи. Знакомство съ неоплатонизмомъ и открывшіеся предъ нимъ горизонты окрылили его новыми надеждами и воскресили въ немъ прежнюю самоувѣренность. Онъ съ жаромъ развивалъ свои новыя взгляды предъ друзьями и сталъ смотрѣть на себя какъ на человѣка очень свѣдущаго въ философіи, почти какъ на осуществленіе идеала мудреца ⁴⁾. Наоборотъ, въ по-

¹⁾ Confes. IV, 31. Рус. п. I, 95—96.

²⁾ Confes. V, 19. Рус. п. I, 116—117.

³⁾ De Genes. contr. Manich. I, 2.

⁴⁾ Ibid. VII, 26. Рус. п. I, 192—193.

сланіяхъ ап. Павла онъ нашелъ пламенное выраженіе чувства безпомощности опутаннаго грѣхомъ человѣка и тщетности всѣхъ попытокъ собственными усиліями осуществить Законъ Божій, которому сочувствуетъ умъ (Рим. VII, 23—25). Въмѣстѣ съ этимъ всѣ блага, которыми располагаетъ человѣкъ, представлялись здѣсь даромъ милости Божіей. Впервые Августинъ начинаетъ помышлять о томъ, что нѣтъ у человѣка ничего, чего онъ не получилъ бы (I Кор. IV, 7), что не только постигнутая истина, но и самая способность ея постиженія, дана ему Богомъ¹⁾. И подѣ влияніемъ этого въ немъ зарождается настроеніе, которое, созрѣвъ много времени спустя, выразилось въ знаменитыхъ словахъ: „Вся надежда моя не въ чемъ иномъ, какъ въ безпредѣльномъ милосердіи Твоемъ. Дай, что повелѣваешь, и повелѣвай, что хочешь“²⁾.

Когда Августинъ сталъ проникаться духомъ ап. Павла, предъ нимъ въ совершенно новомъ свѣтѣ предстала личность Христа и Его значеніе, а это въ свою очередь послужило ядромъ, вокругъ котораго начало кристаллизоваться его новое религіозное настроеніе. Въ періодъ своего увлеченія манихействомъ, Августинъ не придавалъ никакого значенія воплощенію Сына Божія. Болѣе того, оно казалось ему оскверненіемъ, недостойнымъ святости Бога. Сынъ Божій — это эманация свѣтовой субстанціи Бога, простирающаяся для нашего спасенія. Тѣло Иисуса Христа было простою видимостью³⁾. Въ чемъ состояла дѣятельность Сына Божія, имѣющая цѣлью спасеніе, Августинъ не говоритъ. Нѣтъ также въ Исповѣди данныхъ, которыя показывали бы, что это манихейское представленіе объ Искупителѣ возбуждало въ Августинѣ какія-либо специфическія чувства къ Нему⁴⁾.

Послѣ разрыва съ манихействомъ, Августинъ рѣшилъ искать истины въ томъ направленіи, которое указываетъ авторитетъ церкви, т. е. въ Св. Писаніи. Но изъ этого источника онъ намѣренъ былъ принять лишь то, для чего найдемъ разумныя основанія, что пойметъ въ немъ. Это рѣшеніе внесло коренное измѣненіе въ его христологическія воззрѣ-

1) Ibid. VII, 27. Рус. п. I, 194.

2) Ibid. X, 40. Рус. п. I, 299.

3) Ibid. V, 20. Рус. п. I, 118.

4) O. Scheel, Die Anschauung Augustins über Christi Person und Werk. S. 13—15.

нiя. Въ Св. Писанiи былъ вполне понятенъ для него образъ историческаго Христа, Который ѣлъ, пилъ, радовался, печалился, чудеснымъ образомъ родился отъ Дѣвы, но непонятна была возможность соединенiя Слова Божiя съ человѣкомъ Иисусомъ въ единствѣ ипостаси. Идея духовности Бога была еще чужда Августину. Ученiе о второй ипостаси также разъяснили ему только неоплатонизмъ. Наконецъ, воплощенiе казалось ему несомнѣстимымъ съ неизмѣняемостью и безграничностью Бога. Поэтому онъ не могъ даже и предполагать, какая тайна заключается въ изреченiи: *Слово стало плотью*. Въ это время онъ видѣлъ въ I. Христѣ человѣка, чудеснымъ образомъ рожденнаго отъ Дѣвы, необыкновенно одареннаго отъ природы, но не вслѣдствiе воплощенiя въ Немъ Сына Божiя, а въ силу болѣе совершеннаго причастiя мудрости, человѣка, состоящаго изъ тѣла и разумной, но измѣняемой души. Такимъ образомъ, между человѣкомъ Иисусомъ и Божественнымъ Словомъ Августинъ не допускалъ никакого личнаго отношенiя. Христосъ былъ для него не болѣе какъ пророкъ и проповѣдникъ. Этимъ опредѣлялся и характеръ его чувствъ къ Спасителю. Онъ любилъ и уважалъ Его какъ заботливаго учителя, Который Своимъ примѣромъ вдохнулъ въ человѣка силы презирать временныя блага для достиженiя вѣчнаго блаженства ¹⁾.

Новыя слагаемыя появляются въ его религiозной жизни послѣ ознакомленiя съ философiей Плотина. Отъ неоплатониковъ онъ научился видѣть Истину, которую онъ отождествилъ съ Богомъ или, частнѣе, со второй ипостасью, Божественной Премудростью. Открывшiйся предъ его духовнымъ взоромъ интеллектуальный свѣтъ воспламенилъ его душу любовью. При видѣ этого свѣта сердце его затрепетало отъ любви и страха. Высокая задача предстала предъ нимъ— овладѣть этимъ свѣтомъ и претвориться въ его духовность и неизмѣняемость. Какъ бы свыше слышался ему призывъ, исходящiй отъ самой Истины: „Я пища взрослыхъ. Расти и будешь вкушать Меня. Но не ты претворишь Меня въ себя, какъ пищу плоти своей, но ты претворишься въ Меня“ ²⁾. Идеальная красота безплотной истины влекла его къ себѣ

¹⁾ Ibid. VII, 25. Рус. п. I, 190.

²⁾ Ibid. VII, 16. Рус. п. I, 181.

изъ области чувственнаго и матеріальнаго въ сферу блаженнаго созерцанія духовныхъ цѣнностей. Но еще непривычный къ такимъ интеллектуальнымъ экстазамъ, онъ ниспадалъ съ высоты ихъ къ фантазмамъ, среди которыхъ такъ долго вращался его умъ. Неоплатоническая идея создала въ немъ и неоплатоническое настроеніе. Это не что иное, какъ платоническій эросъ, влекущій душу отъ прекрасныхъ тѣлъ къ прекраснымъ душамъ и отъ прекрасныхъ душъ къ той умопостигаемой красотѣ идеи, которая дѣлаетъ прекрасными самыя души, причастныя ей. ¹⁾ Однако, эти порывы чувства, зовущіе душу за грани міра, не могли создать личной любви къ Богу, которая сообщала въ послѣдствіи столько самобытности религіозному энтузіазму Августина. Опѣнивая въ послѣдствіи жизнь своего сердца за этотъ періодъ съ точки зрѣнія завершившагося развитія, Августинъ сравнивалъ себя и своихъ учителей, неоплатониковъ, съ людьми, которые, поднявшись на поросшую лѣсомъ вершину, видятъ издали отечество міра, но въ заросляхъ не могутъ найти дороги, ведущей къ нему ²⁾. Въ это время чувства, возбуждаемыя Истиной, и любовь ко Христу какъ къ Учителю въ душѣ Августина текли двумя несливающимися струями, потому что его религіозныя убѣжденія не устанавливали никакой связи между Божественной Премудростью и мудрымъ человекомъ Иисусомъ. Для него это были двѣ личности, не имѣющія между собою ничего общаго. Но по законамъ психологій чувства, связаннаго съ представленіями, сливаются и измѣняютъ другъ друга, когда вступаютъ между собою въ извѣстное отношеніе самыя представленія, носители этихъ эмоцій.

Нѣкоторое время Августину казалось, что, признавая Христа простымъ человекомъ, но надѣленнымъ исключительной мудростью, онъ находится въ полномъ согласіи съ ученіемъ католической церкви о личности Искупителя ³⁾. Но болѣе близкое знакомство съ Новымъ Завѣтомъ и съ церковной догматикой разсѣяло это заблужденіе. Онъ воспринялъ, наконецъ, идею воплощенія Слова Божія въ Иисусѣ. Божественная Премудрость, созерцаемая умомъ, становится для него

1) Ibid. VII, 23. Рус. п. I, 187.

2) Ibid. VII, 26. Рус. п. I, 193.

3) Ibid. VII, 25. Рус. п. I, 191—192.

съ этого времени единой личностью съ историческимъ Христомъ, а вмѣстѣ съ этимъ получаетъ новую форму и его сердечное отношеніе ко Христу. Энтузіазмъ, который возбудило въ немъ созерцаніе Истины, бросаетъ свой отблескъ и на Ея воплощеніе во Христѣ, а чувства, внушенныя божественнымъ Учителемъ, сообщаютъ болѣе конкретную форму этому энтузіазму. Августинъ продолжаетъ искать блаженства въ созерцаніи Божественной Премудрости умомъ, освободившимся отъ оболешенія фантазмъ, но эта премудрость является единой личностью съ человѣкомъ Иисусомъ, и этотъ человѣкъ безконечно превосходитъ всѣхъ святыхъ по силѣ обитающаго въ Немъ Слова Божія. Онъ продолжаетъ смотрѣть на Христа какъ на Учителя, преподающаго людямъ Божественную Истину въ осязательной для нихъ и близкой имъ человѣческой формѣ, но въ этомъ Учителѣ онъ видитъ снисшедшую къ людямъ Премудрость Божию¹⁾.

Но идея воплощенія, по свидѣтельству Исповѣди, имѣла еще болѣе важное вліяніе на характеръ религіознаго настроенія Августина. Соединеніе Божественной Премудрости въ единствѣ личности съ Учителемъ отреченія и воздержанія, человѣкомъ Иисусомъ, выдвигало на первый планъ уничтоженіе Истины, Ея смиреніе, отказъ отъ Божественной славы и явленіе въ убожествѣ раба, величайшее самопожертвованіе для спасенія тѣхъ, кто былъ ей враждебенъ, снисхожденіе любви, возбуждающее отвѣтную любовь. До нѣкоторой степени стали понятны Августину слова ап. Павла о принятіи Сыномъ Божіимъ, равнымъ Богу, образа раба, о Его послушаніи и смиреніи даже до смерти и о Его послѣдующемъ прославленіи (Филип. II, 6—11)²⁾. Ранѣе онъ недоумѣвалъ, чему можетъ учить человѣка уничтоженное явленіе Христа, теперь онъ увидѣлъ, что смиреніе Христа исцѣляетъ гордость и питаетъ любовь. Созерцая смиреніе и самоотреченіе Божества, человѣкъ не можетъ уже надмеваться гордостью и вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе удаляться

1) Таково было отношеніе Августина ко Христу въ моментъ обращенія и въ слѣдующіе годы до посвященія въ пресвитера, какъ это показываетъ анализъ сочиненій, относящихся къ этому періоду его жизни. См. O. Scheel, Op. cit. S. 20—71. W. Thimme, Augustins geistige Entwicklung in den ersten Jahren nach seiner Bekehrung 386—391. Berlin 1908. S. 152—159.

2) Confes. VII, 14. Рус. п. I, 177.

отъ Бога. Въ примѣрѣ Христа, Августинъ почувствовалъ призывъ къ смиренію и всецѣлой преданности волѣ Божіей, и этотъ призывъ нашель откликъ въ Его сердцѣ¹⁾. Но повѣривъ въ Божественную любовь, нисходящую на землю и отказывающуюся отъ божественной славы для спасенія враговъ своихъ, Августинъ почувствовалъ въ себѣ отвѣтную любовь къ Богу какъ своему Спасителю²⁾. Не трудно понять, насколько эта форма религіознаго настроенія, легко получающая чисто личный характеръ, сильнѣе и интимнѣе платоническаго эроса. Каждый человѣкъ грѣшенъ, каждый враждебенъ Богу, поэтому снисходящая и жертвующая всѣмъ любовь Спасителя естественно становится въ глазахъ человѣка проявленіемъ любви божественной не вообще къ роду человѣческому, а именно къ нему лично. Любовь къ Богу, вызванная въ Августинѣ идеей Божественнаго милосердія, ищущаго доступа къ сердцу враговъ, отлилась у него въ такую именно личную форму. Когда впоследствии предъ своимъ крещеніемъ онъ услаждался чтеніемъ псалмовъ, то ему казалось, что нѣкоторыя выраженія псалмопѣвца имѣютъ въ виду именно его и обращены какъ бы къ нему лично³⁾.

Такъ изображаетъ бл. Августинъ въ Исповѣди характеръ возникшаго въ немъ новаго религіознаго настроенія. Но при сопоставленіи этого повѣствованія съ тѣми данными, которыя можно извлечь по этому вопросу изъ сочиненій, составленныхъ тотчасъ послѣ обращенія, выясняется, что къ нему необходимо сдѣлать нѣкоторыя разъясненія и ограниченія. Точно отмѣчая въ другихъ случаяхъ всѣ моменты своего развитія, бл. Августинъ отказывается отъ обычной точности и раздѣльности, приблизившись къ событіямъ, окончательно опредѣлившимъ основы его теоретическихъ убѣжденій и характеръ его религіозности. Его цѣлью было довести Исповѣдь до этого именно момента. Онъ не имѣлъ намѣренія отмѣчать измѣненій, происшедшихъ съ нимъ послѣ рѣшительнаго перелома и сводившихся въ сущности только къ углубленію и развитію достигнутыхъ результатовъ. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ онъ описываетъ въ Исповѣди,

1) Ibid. VII, 24. Рус. п. I, 189.

2) Confes. VII, 14. Рус. п. 187.

3) Confes. IX, 9. Рус. п. I, 241—242.

возникшее въ немъ новое настроеніе не въ видѣ зерна, изъ котораго впоследствии выросли и характерная для него форма благочестія, и ученіе о благодати, и взглядъ на искупленіе, а въ видѣ завершеннаго процесса, относя къ данному моменту все то, что было имъ обусловлено, и къ чему въ концѣ концовъ онъ привелъ. При анализѣ той группы раннихъ сочиненій Августина, о которой мы упомянули, становится ясно, что его религиозное чувство во время обращенія и вскорѣ послѣ него питалось, съ одной стороны, мистическимъ восхожденіемъ ума къ созерцанію Божественной Премудрости, съ другой, отношеніемъ ко Христу, какъ къ Учителю воздержанія отъ мірскихъ благъ. Его настроеніе еще окрашено неоплатонической мистикой, и эта черта преобладаетъ въ немъ надъ прочими. Въ области мысли его занимаютъ вопросы, навѣянные чтеніемъ платониковъ. Наоборотъ, въ этихъ сочиненіяхъ не замѣтно большой начитанности въ Св. Писаніи. Соответственно этому Августинъ мало занимается въ нихъ проблемами христіанской догматики. Онъ еще не оцѣнилъ искупительнаго значенія креста, смерти и воскресенія Господня, и его чувство не опредѣляется еще этими актами Божія милосердія. Мотивъ¹⁾ отвѣтной любви къ Богу, не пощадившему Сына Своего, но предавшему Его на смерть для спасенія враговъ Своихъ, не находитъ для себя выраженія въ этихъ сочиненіяхъ. Все это необходимо признать. Однако и въ раннихъ сочиненіяхъ Августина все же отражаются зачатки религиознаго настроенія, возникновеніе котораго онъ относитъ въ Исповѣди ко времени своего обращенія. Гордость и самоувѣренность его были сломлены, и онъ всѣмъ сердцемъ почувствовалъ необходимость благодати какъ для познанія истины, такъ и для чистоты жизни, а въ этой благодати онъ ощутилъ призывающее къ любви милосердіе Божіе. Въ этомъ отношеніи особенно выразительна молитва къ Богу, которой онъ начинаетъ свои *Монологи*. Мы позволимъ себѣ привести изъ нея наиболѣе характерныя выдержки. „Боже, Творецъ вселенной, даруй мнѣ, во-первыхъ, хорошо вознести къ Тебѣ молитву, потомъ стать достойнымъ того, чтобы Ты меня услышалъ, наконецъ, освободи меня... Услышь, услышь, услышь меня, Богъ мой, Господь мой, царь мой, отецъ мой,

¹⁾ De catechiz. rud. 7. 39. Serm XXXIV, 2, CCXV, 5.

причина моя, надежда моя, богатство мое, честь моя, домъ мой, отечество мое, спасеніе мое, свѣтъ мой, жизнь моя. Услышь, услышь, услышь меня тѣмъ обыкновеніемъ Твоимъ, которое въ совершенствѣ извѣстно немногимъ. Уже Тебя одного люблю я, Тебѣ одному слѣдую, Тебя одного ищу, Тебѣ одному готовъ служить, потому что только Ты одинъ праведно господствуешь; хочу быть въ Твоей власти. Повели, молюсь, и прикажи что Тебѣ угодно, но исцѣли и открой слухъ мой, чтобы я услышала слова Твои. Исцѣли и открой очи мои, чтобы я увидѣла ими мановенія Твои. Изгони изъ меня безуміе, чтобы я снова узналъ Тебя. Скажи мнѣ, куда я долженъ направить взоры свои, чтобы видѣть Тебя, и я надѣюсь, что исполню все, что Ты повелишь. Прими обратно, молюсь, бѣглеца Твоего, Господи, милостивѣйшій Отецъ: довольно уже понесъ я наказаній, довольно послужилъ врагамъ Твоимъ, которые подъ ногами Твоими, довольно былъ игрушкой обмановъ. Прими меня, раба Твоего, убѣгающаго отъ нихъ, потому что и они приняли меня, чужого раба, когда я бѣжалъ отъ Тебя. Я чувствую, что долженъ возвратиться къ Тебѣ; пусть откроются мнѣ, стучащему, двери Твои; научи меня, какъ прійти къ Тебѣ. Нѣтъ у меня ничего другого, кромѣ воли. Ничего другого не знаю я, кромѣ того, что все текущее и гибнущее должно быть предметомъ презрѣнія, а все прочное и вѣчное предметомъ исканія. Я это и дѣлаю, Отецъ мой, потому что только это и знаю, но какимъ путемъ приходять къ Тебѣ, этого я не знаю. Ты внуши мнѣ, Ты покажи, Ты снабди и необходимымъ на дорогу. Если вѣрою находятъ Тебя прибѣгающе къ Тебѣ, дай вѣру; если добродѣтелю, дай добродѣтель; если знаніемъ, дай знаніе. Умножь во мнѣ вѣру, умножь надежду, умножь любовь. О, достойная удивленія и единственная благость Твоя!¹⁾ Здѣсь Августинъ еще считаетъ добрую волю своею собственностью, но уже умиляется любовью Божіей, преслѣдующей милостью убѣгающихъ отъ нея. Отдавая волю свою Богу, онъ видитъ теперь источникъ грѣха именно въ гордости²⁾. Наконецъ мы убѣждаемся, что въ это время его сердцу близко было уничиженіе и смиреніе Христа, но цѣль этого смиренія онъ полагалъ еще не въ примиреніи съ Богомъ враговъ Его голгоеской жертвой, а

¹⁾ Soliloqu. I, 2. 4—5. Рус. п. II, 228. 231—232.

²⁾ De Music. VI, 40.

въ возбужденіи въ людяхъ смиренія примѣромъ отреченія Премудрости отъ Своей божественной славы. Люди желали богатства, стремились къ почестямъ, мечтали о потомствѣ, боялись позора, страданій, смерти, и эти страсти ввергали ихъ въ грѣхъ. Но воплощенная Премудрость отказалась отъ всѣхъ временныхъ благъ и претерпѣла всѣ виды страданій, чтобы вдохнуть людямъ презрѣніе къ славѣ и любовь къ страданіямъ¹⁾. Такимъ образомъ, всѣ существенныя черты религіознаго настроенія, возникновеніе которыхъ Августинъ относитъ въ Исповѣди ко времени своего обращенія, встрѣчаются, правда не въ столь опредѣленномъ и законченномъ видѣ, а лишь въ зачаточномъ состояніи, и въ сочиненіяхъ, близкихъ по времени самымъ событіямъ. Это признаютъ и изслѣдователи, особенно настаивающіе на разногласіи между Исповѣдью и ранними сочиненіями Августина²⁾.

Возникновеніе новаго религіознаго настроенія бл. Августина объясняетъ вліяніемъ на него Св. Писанія и особенно посланій ап. Павла, проповѣдника благодати. Нѣтъ сомнѣнія, что Писаніе послужило ближайшей и непосредственной причиной этого коренного переворота въ душевной жизни Августина. Но самая возможность такого вліянія на него Писанія была подготовлена опытомъ личной жизни. Посланія ап. Павла не произвели бы на него такого потрясающаго дѣйствія, если бы онъ познакомился съ ними въ дни своей задорной и самомнительной юности, для которой ея силы казались безграничными. Только ихъ испытанная слабость открывала доступъ къ его сердцу проповѣди о необходимости помощи свыше, только опытъ безуспѣшности стремленій и безсилія въ борьбѣ помогъ ему понять значеніе смиренія Христа. Къ этому отчасти приводилъ уже ходъ его интеллектуальнаго развитія, такъ какъ во многомъ оно опредѣлялось событіями, совершенно независимыми отъ его воли. Оно получило бы, быть можетъ, совершенно иное направленіе, если бы въ его руки не попалъ Гортензій, если бы онъ не встрѣтился съ манихеями, если бы позднѣе онъ не познакомился съ св. Амвросіемъ, если бы, наконецъ, ему не посовѣтовали про-

¹⁾ De ver. rel. 30—32 ср. 70—71. Рус. п. VII, 25. 60—61.

²⁾ Loofs, Artik. Augustinus. въ Herzog-Hauch Realencyclopädie, 3 Aufl. B. I, S. 270, 31—32, 273, 32—38. O. Scheel, Op. cit. S. 71—76. W. Thimme, Op. cit. S. 54—58, 152—159.

честь Плотина. Далѣе, еще до своего обращенія Августинъ чувствовалъ, особенно въ періодъ скептицизма, внутреннее безсиліе предъ лицомъ теоретическихъ противорѣчій, изъ которыхъ его умъ не находилъ выхода, и молился о божественной помощи ¹⁾. Но испытавъ на пути своего умственного развитія большія затрудненія, онъ не ощутилъ однако здѣсь своего полнаго безсилія. И послѣ обращенія Августинъ сохранилъ убѣжденіе, что ему удалось выйти на прямую дорогу изъ дебрей, въ которыхъ онъ блуждалъ, только благодаря настойчивости и неустанности исканій, что именно эта настойчивость и обезпечила ему помощь Божію ²⁾. Опытъ полнаго безсилія ему дала не умственная, а нравственная жизнь: безплодныя попытки освободиться отъ власти господствующихъ страстей, служеніе которымъ не давало ему удовлетворенія и все болѣе и болѣе наполняло горечью его душу.

Борьба двухъ воль и побѣда новой воли. Знакомство съ неоплатонизмомъ дало Августину не только основы новыхъ религіозныхъ убѣжденій, но и опредѣленное настроеніе, потерпѣвшее измѣненіе подъ вліяніемъ посланій ап. Павла. Въ немъ возникла новая воля служить Богу безкорыстно и наслаждаться Имъ, какъ единственнымъ источникомъ истинной радости ³⁾. Теперь онъ стремится не къ тому только, чтобы получить еще больше увѣренности въ бытіи духовной субстанции Бога, а и къ тому, чтобы совершенно утвердиться въ Богѣ ⁴⁾. Когда предвкушеніе истины возбудило въ немъ религіозный восторгъ, не могло уже быть никакихъ оправданій для нерѣшительности. Необходимо было твердо вступать на новый путь. Но новая воля Августина была еще слишкомъ слаба и не могла побороть его прежней, страстной воли. Для послѣдней, правда, соблазны честолюбія уже утратили свою привлекательность. Общественная дѣятельность стала для Августина тяжелымъ бременемъ, потому что страсти честолюбія и корыстолюбія, которыя дѣлають это бремя сноснымъ, отъ него ушли ⁵⁾. Но въ немъ еще жива была страсть

¹⁾ De utilit. cred. 20. Contr. epist. Fund. 3.

²⁾ De liber. arb. I, 4.

³⁾ Confes. VIII, 10. Рус. п. I, 210.

⁴⁾ Ibid. VIII, 1. Рус. п. I, 197—198.

⁵⁾ Ibid. VIII, 2. Ср. VIII, 10. Рус. п. I, 198. 209.

къ женщинѣ¹⁾. Изъ извращенности воли возникла страсть, отъ удовлетворенія страсти родилась привычка, послѣдняя, не встрѣчая сопротивленія, обратилась въ необходимость—таковы были звенья цѣпи, еще сковывавшей Августина²⁾.

Казалось бы, что это обстоятельство не должно было удерживать Августина отъ крещенія, такъ какъ церковь вовсе не ставитъ безбрачіе условіемъ вступленія въ число ея членовъ. Но Августинъ искалъ полной свободы и независимости, чтобы всецѣло предаться чисто духовнымъ интересамъ, а бракъ неизбѣжно связалъ бы его и заставилъ бы его мириться съ тѣмъ, что онъ ощущалъ какъ нестерпимую тяжесть, съ общественною дѣятельностью и не обходимостью зарабатывать средства къ жизни³⁾. Эта коллизія побудила его обратиться за совѣтомъ къ престарѣлому пресвитеру Симплиціану, духовному отцу св. Амвросія, извѣстному своимъ широкимъ духовнымъ опытомъ⁴⁾. Изъ повѣствованія Исповѣди мы не видимъ, чтобы Симплиціанъ далъ опредѣленный совѣтъ по тому именно вопросу, который привелъ къ нему Августина. Это произошло, повидимому, отъ того, что Августинъ не успѣлъ довести до конца рассказъ о своей жизни⁵⁾ и объяснить цѣль своего посѣщенія, но былъ прерванъ Симплиціаномъ при упоминаніи о чтеніи сочиненій неоплатониковъ въ переводѣ Викторина. Старецъ зналъ Викторина лично, былъ свидѣтелемъ его обращенія ко Христу и, услышавъ его имя изъ устъ молодого ритора, увлекся желаніемъ рассказать послѣднему эту поучительную исторію. Викторинъ славился своимъ краснорѣчіемъ и глубокими познаніями въ философіи и свободныхъ наукахъ. Учитель многихъ сенаторовъ, онъ получилъ за свои общественныя заслуги высшую почесть: еще при жизни ему была воздвигнута статуя на римскомъ форумѣ. Большую часть своей жизни онъ шелъ въ ногу съ римскою знатью, предававшейся съ изступленнымъ увлеченіемъ синкретическимъ культамъ, но чтеніе Св. Писанія и произведеній христіанской литературы обратило его къ новой

¹⁾ Ibid. VIII, 2. Рус. п. I, 198.

²⁾ Ibid. VIII, 10. Рус. п. I, 209—210.

³⁾ Ibid. VIII, 10. Рус. п. I, 198—199.

⁴⁾ Ibid. VIII, 2. Рус. п. I, 198—199.

⁵⁾ Ibid. VIII, 1. 3. Рус. п. I, 198—200.

⁶⁾ Ibid. VIII, 2. Рус. п. I, 198—199.

религии, и онъ имѣлъ достаточно мужества, чтобы торжественно заявить объ этомъ. Въ римской церкви приступающіе къ крещенію читали исповѣданіе вѣры съ высокаго амвона, но допускались и исключенія. Не желая обострять отношеній съ сильной въ Римѣ языческой партіей, клирики предложили Викторину совершить обрядъ тайно, но онъ отъ этого рѣшительно отказался и публично исповѣдывалъ свою вѣру, не считаясь съ возможными послѣдствіями¹⁾. Въ царствованіе Юліана, въ силу закона, запрещавшаго христіанамъ преподаваніе литературы и краснорѣчія, Викторинъ вынужденъ былъ прекратить свою общественную дѣятельность²⁾. Таковъ былъ рассказъ Симплиціана. Изъ него видно, что Викторинъ могъ служить для Августина примѣромъ независимости, а не примѣромъ воздержанія. Но Августина уже не привлекала карьера. Поэтому Викторинъ показался ему не столько сильнымъ, сколько счастливымъ³⁾, такъ какъ въ законѣ Юліана ему представился удобный случай совершенно порвать съ прошлымъ. Тѣмъ не менѣе рассказъ Симплиціана обострилъ внутреннюю борьбу Августина и создалъ мучительное состояніе колебанія и нерѣшительности. Августинъ сравниваетъ себя съ просыпающимся человѣкомъ, который знаетъ, что бодрствованіе лучше сна, но лѣнится превозмочь сладость утренней дремоты и невнятно лепечетъ: сейчасъ, сейчасъ, подожди немного. Въ этой внутренней борьбѣ Августинъ по собственному опыту понималъ, что значатъ слова ап. Павла о борьбѣ закона плоти противъ закона ума⁴⁾.

Болѣе прямое отношеніе къ тому, что такъ занимало Августина, имѣлъ рассказъ Понтиціана о христіанскомъ монашествѣ, его возникновеніи, распространеніи и вліяніи. Однажды Августина и Алипія посѣтилъ Понтиціанъ, о которомъ мы уже упоминали. Увидѣвъ на игорномъ столикѣ посланія ап. Павла и получивъ отъ Августина признаніе, что онъ уже близокъ къ церкви, Понтиціанъ, благочестивый христіанинъ, нашелъ въ этомъ поводъ рассказать своимъ друзьямъ о преп. Антоніи, житіе котораго, составленное св. Аванасіемъ,

1) Ibid. VIII, 3—4. Рус. п. I, 200—203.

2) Ibid. VIII, 10. Рус. п. I, 209.

3) Ibid. VIII, 10. Рус. п. I, 209.

4) Ibid. VIII, 10—12. Рус. п. I, 209—212.

въ латинскомъ переводѣ Евагрія, было очень широко распространено на западѣ и служило важнымъ факторомъ въ возникновеніи аскетическаго движенія въ западно-христіанскомъ обществѣ. Отъ Антонія разговоръ перешель къ египетскому монашеству и его подражателямъ на западѣ. Оказалось, что за стѣнами Милана существуетъ монастырь, пользующійся покровительствомъ св. Амвросія. Характерно, что все это было совершенною новостью для Августина: до сихъ поръ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о преп. Антоніи, ни о монашествѣ, ни о монастырѣ близъ Милана. Въ заключеніе Понтиціанъ разсказалъ случай, свидѣтелемъ котораго онъ былъ въ Трирѣ, когда тамъ находился императорскій дворъ. Однажды, когда императоръ послѣ полудня присутствовалъ въ циркѣ, Понтиціанъ съ тремя другими придворными, воспользовавшись предоставленной имъ свободой, отправились на прогулку за городъ. За стѣнами общество раздѣлилось на двѣ группы по два человѣка. Два молодыхъ чиновника, отдѣлившись отъ Понтиціана, который шель съ третьимъ, продолжали свою прогулку и случайно набрали на монашескую хижину. Нужно имѣть въ виду, что въ Трирѣ жилъ въ изгнаніи св. Аеанасій александрійскій, авторъ *Жизни Антонія*, горячій сторонникъ аскетическаго идеала. Монашеская хижина была очевиднымъ слѣдомъ вліянія изгнанника на западную церковь. Войдя въ нее, молодые люди увидѣли книгу, которую и стали читать. Это было житіе преп. Антонія. Неожиданное содержаніе этого сочиненія до такой степени ихъ поразило, что они рѣшили, не возвращаясь въ городъ, отказаться отъ своихъ должностей и невѣсть, съ которыми были обручены, и остаться съ монахами. Ихъ примѣру послѣдовали потомъ и покинутыя невѣсты ¹⁾.

Эти примѣры были для Августина болѣе поучительны, чѣмъ обращеніе Викторина. Онъ не могъ оторваться отъ школы не потому, что она была еще привлекательной для его честолюбія, а потому, что не имѣлъ силы отказаться отъ брака и этимъ вынуждался продолжать свою общественную дѣятельность. Въ бесѣдѣ Понтиціана о монашествѣ на первый планъ выступалъ не отказъ отъ честолюбія, а идея чистоты, вну-

¹⁾ Ibid. VIII, 13—15. Рус. п. I, 212—217.

тренней борьбы съ грѣхомъ и плотью. Еще со времени знакомства съ Гортензіемъ Августинъ очень цѣнилъ философскую жизнь и воздержаніе¹⁾. Привлекательность этого идеала была одною изъ причинъ, побудившей его сблизиться съ манихеями. Теперь онъ впервые узналъ, что этотъ идеаль съ возможною полнотою и рѣшительностью осуществленъ въ церкви и при томъ не философами, а людьми самыми обыкновенными²⁾. Впослѣдствіи это сопоставленіе монашескаго идеала съ аскетизмомъ манихеевъ послужило содержаніемъ для его полемическаго труда противъ послѣдователей Манеса³⁾.

Во время разсказа Понтиціана о христіанскихъ подвижникахъ Августинъ невольно сравнивалъ себя съ этими людьми. Яркимъ пламенемъ вспыхнула въ немъ совѣсть, освѣтившая предъ нимъ все его внутреннее существо, и въ этомъ пламени перегорѣли цѣпи, которыми онъ былъ еще связанъ. Онъ ясно увидѣлъ, въ какомъ состояніи позорной слабости онъ находился и какъ запятнанъ былъ внутренно. Чтобы утолить нравственную боль, онъ старается отвести свой внутренний взоръ отъ себя самого, но слова Понтиціана снова и снова заставляютъ его думать о своей нечистотѣ⁴⁾. И чѣмъ привлекательнѣе были для него люди, освободившіеся отъ плотскихъ страстей, тѣмъ отвратительнѣе онъ казался самъ себѣ⁵⁾. Но въ разсказѣ Понтиціана былъ элементъ, который долженъ былъ усилить впечатлѣніе, вынесенное Августиномъ изъ чтенія ап. Павла, и напомнить ему, что нравственная чистота есть дѣло благодати Божіей, потому что въ аскетической литературѣ вообще и въ Жизни Антонія въ особенности выдвигается ученіе о духовныхъ дарованіяхъ, о Божественномъ призваніи къ чистотѣ и о самой чистотѣ какъ дарѣ Духа⁶⁾.

Когда Понтиціанъ ушелъ, Августинъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи, и вся его внѣшность указывала на силу

1) Ibid. VIII, 17. Рус. п. I, 217—218.

2) Ibid. VIII, 19. Рус. п. I, 219—220.

3) De moribus ecclesiae catholicae et de moribus manichaeorum libri duo.

4) Ibid. VIII, 16. Рус. пер. I, 217.

5) Ibid. VIII, 17. Рус. п. I, 217—218.

6) См. подробнѣе въ нашемъ сочиненіи Религіозный идеаль Св. Аванасія александрійскаго. Сергіевъ посадъ 1904 г. стр. 74—75.

охватившаго его аффекта¹⁾. Чтобы лучше обдумать положеніе, онъ удалился въ находившійся при квартирѣ садъ. За нимъ послѣдовалъ Алипій, не рѣшившійся оставить друга въ такомъ состояніи²⁾. Здѣсь произошла послѣдняя борьба между старой, полуразрушенной волей, и волей новой, все еще не достаточно полной и сильной³⁾. Въ самый острый моментъ этой борьбы Августину пришло на мысль, что всѣ тѣ юноши, дѣвы, вдовы, о которыхъ онъ только что слышалъ, достигли чистоты не собственными усиліями, но получили ее отъ Бога какъ даръ благодати, и въ немъ возникъ горячій порывъ всецѣло отдать себя въ руки Божіи и просить у Бога исцѣленія своего недуга⁴⁾. Онъ тотчасъ оставилъ Алипія, съ рыданіями повергся подъ смоковницей и обратился къ Богу съ пламенной молитвой о помощи⁵⁾. Какъ бы въ отвѣтъ на нее, онъ сталъ различать доносившійся изъ сосѣдняго дома дѣтскій голосъ, безпрестанно повторявшій *tolle, lege; tolle, lege* (Возьми читай). Августинъ только что слышалъ отъ Понтиціана, что преп. Антоній почувствовалъ призваніе къ отшельничеству, услышавъ въ церкви, какъ бы къ нему лично обращенныя слова Евангелія: пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ (Мѡ. XIX, 21). Подъ впечатлѣніемъ этого разказа онъ объяснилъ себѣ дѣтскій голосъ и произносимыя имъ странныя слова въ смыслѣ указанія свыше на то, что онъ долженъ взять Св. Писанія и прочесть первый открывшійся стихъ. Быстро вставъ и подойдя къ Алипію, онъ схватилъ кодексъ посланій ап. Павла, открылъ его и прочелъ слова: „Какъ днемъ будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пированіямъ и пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти, но облекитесь въ Господа нашего Іисуса Христа и попеченія о плоти не превращайте въ похоти“ (Римл. XIII, 13—14). Въ этотъ моментъ его ветхая воля умерла, оковы спали, всѣ сомнѣнія исчезли и онъ почувствовалъ въ себѣ спокойную и увѣренную рѣшимость⁶⁾. Родился новый чело-

1) Ibid. VIII, 19. Рус. п. I, 219—220.

2) Ibid. VIII, 19. Рус. п. I, 219—220.

3) Ibid. VIII, 20—21. Рус. п. I, 221—222.

4) Ibid. VIII, 27. Рус. п. I, 228—229.

5) Ibid. VIII, 28. Рус. п. I, 230.

6) Ibid. VIII, 29. Рус. п. I, 231.

вѣкъ съ новымъ характеромъ. Чувственность и честолюбивыя стремленія потеряли съ этого момента всякую власть надъ волей ¹⁾. Исповѣдь принято теперь провѣрять сопоставленіемъ ея съ сочиненіями Августина, написанными въ Кассиціакѣ. Въ этомъ случаѣ послѣднія служатъ разительнымъ подтвержденіемъ данныхъ Исповѣди. Въ нихъ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ борьбы Августина съ чувственностью, и когда подумаешь, что эти діалоги написаны человѣкомъ, который, отпустивъ конкубину, только что проявилъ столько слабости въ этомъ отношеніи, то невольно начинаешь видѣть въ этомъ фактѣ удивительный примѣръ мгновеннаго, хотя и воплѣтъ подготовленнаго измѣненія личности. То, что ранѣе Августинъ читалъ у ап. Павла и что слышалъ изъ устъ Понтиціана о безсиліи человѣка и о могуществѣ Бога, стало теперь его жизненнымъ опытомъ. Борьба, пережитая имъ, обратила его вниманіе на глубокой диссонансъ въ человѣческой природѣ, которая, высшей своей стороною стремясь къ идеальнымъ благамъ и соуслаждаясь закону Божію, въ своей низшей сторонѣ, которую осуждаетъ, встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе къ осуществленію своихъ идеальныхъ порывовъ. Мгновенное же исцѣленіе отъ укоренившихся привычекъ убѣдило Августина, что одинъ Богъ, внимая горячей молитвѣ вѣры, можетъ пересоздать человѣка внутренно и избавить отъ этого тѣла смерти ²⁾.

Ив. Поповъ.

¹⁾ Ibid. VII, 30. Рус. п. I, 232.

²⁾ Ibid. VI, 20. Рус. п. I, 150—151.